

О.Р. Янг*

БУДУЩЕЕ АРКТИКИ: РОЛЬ ИДЕЙ**

Арктика переживает период радикальной трансформации, и это уже ни для кого не является новостью. Однако возникает вопрос: какое значение данные изменения имеют для человечества и как именно должно строиться осмысление их последствий для сферы политики и управления? Данная статья призвана доказать, что ответ на этот вопрос зависит от выбора парадигмы, или концептуального фрейма, в рамках которого мы объясняем и оцениваем процессы, получившие развитие в Заполярье в последние годы. В статье противопоставлены две трактовки, предлагаемые приверженцами неореалистической/геополитической парадигмы и сторонниками парадигмы социально-экологических систем. Журналисты и публицисты в большей степени тяготеют к неореалистической/геополитической парадигме, однако те, кто обладают более глубокими знаниями о последних изменениях в Арктике, склонны строить свои размышления в рамках парадигмы социально-экологических систем. Базовые положения и предписания парадигм являются нефальсифицируемыми, поэтому нет никакого смысла пытаться доказать, что одна из них лучше другой, однако тем, кто стремится сохранить Арктику как «зону мира», парадигма социально-экологических систем дает целый ряд преимуществ.

Ключевые слова: Арктика, управление, дискурс, фрейминг, неореалистическая/геополитическая парадигма, парадигма социально-экологических систем, устойчивое развитие, изменение климата.

Арктика переживает период радикальной трансформации, обусловленной влиянием двух взаимосвязанных факторов — изменения климата и процессов глобализации, и это уже ни для кого не явля-

* *Янг Оран Рид* — д.п.н., профессор Школы научных исследований и управления в области экологии имени Д. Брена Университета штата Калифорния (Санта-Барбара, США), председатель оргкомитета консорциума «Arctic Governance Project»; участник конференции «Экологическая безопасность в Арктическом регионе» (Университет штата Калифорния, Ирвайн, США, 12 ноября 2010 г.) (e-mail: oran.young@gmail.com).

** Перевод статьи О.Р. Янга под названием «Arctic Futures: The Power of Ideas». Англоязычная версия статьи будет опубликована в сборнике «Экологическая безопасность в Северном Ледовитом океане», подготовленном в рамках программы НАТО «Наука ради мира и безопасности». Сборник выйдет в свет в издательстве «Springer» в Голландии в 2011 г.

An English version of this article will be published in «Environmental Security in the Arctic Ocean», NATO Science for Peace and Security Series — C: Environmental Security, Springer Science+Business Media B.V., Dordrecht, Netherlands, 2011.

Перевод на русский язык — В.И. Бартнев (кафедра истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова).

ется новостью. Средства массовой информации внесли свою лепту во внедрение этой мысли в общественное сознание, создав яркие визуальные образы таких значительных изменений в регионе, как сокращение площади и толщины льдов в Северном Ледовитом океане; открытие Северного морского пути и Северо-Западного прохода для навигации в летние месяцы; частичное таяние ледяного щита Гренландии и бедственное положение белых медведей на отколовшихся льдинах. Широкое распространение получили и идеи о том, что процесс изменений будет набирать обороты и приведет к поистине невероятным последствиям, таким, например, как полное освобождение Северного Ледовитого океана ото льда в летние месяцы. Однако возникает вопрос: какое значение все эти изменения имеют для человечества и как именно должно строиться осмысление их последствий для сферы политики и управления? Следует ли нам готовиться к началу новой «холодной войны», «большой игры» в Арктике или ко все более ожесточенным «войнам за ресурсы», которыми нас пугают многие авторы популярных книг по арктической проблематике? Или все же существуют перспективы укрепления сотрудничества в Заполярье и превращения региона в пример для тех, кто стремится разработать конструктивный подход к стремительным биофизическим и социально-экономическим изменениям, происходящим в других регионах? Не сможет ли Арктика стать даже своего рода «витриной» новых форм транснационального сотрудничества в эпоху усложнения системы глобального управления и усиления в ней роли различных негосударственных акторов?

В данной статье эти вопросы рассмотрены поэтапно. В первом разделе исследована природа изменений, протекающих в Арктике, и определены те их черты, которые имеют наибольшее значение с точки зрения создания новых или усовершенствования уже существующих систем регионального управления в Заполярье. Во втором разделе рассмотрена проблема фрейминга. Очевидно, что факты никогда не говорят сами за себя, поэтому в этой части статьи исследована роль парадигм, дискурсов, или концептуальных фреймов, в структурировании наших представлений о ситуациях, которые отличаются высокими темпами изменений и высокой степенью неопределенности. В третьем разделе, где речь идет о крайне живучей тенденции рассматривать изменения в Арктике сквозь призму неореализма, «Realpolitik» и геополитики, показано, что данный фрейм неадекватно интерпретирует положение дел в регионе. В четвертом разделе в качестве альтернативного ракурса для осмысления арктических проблем предложена идея сложных динамических социально-экологических систем, которая не только отражает

арктическую реальность, но и может стать основой для внедрения политических рецептов, предназначенных для укрепления мира и международного сотрудничества в этом быстро развивающемся регионе. В последнем разделе статьи вновь рассмотрены теоретические основы фрейминга и сформулированы несколько идей, которые могут помочь в решении новых арктических проблем. Наконец, в заключении предложен план действий, который, хотя и отражает персональные нормативные предпочтения автора, но вместе с тем заслуживает серьезного рассмотрения в свете анализа, представленного в основной части статьи.

«Новая» Арктика

Когда мы говорим об утоньшении и сокращении площади ледяного покрова в Северном Ледовитом океане, увеличении активного слоя вечной мерзлоты в Арктике, угрозах выживанию белых медведей в связи с изменениями среды их обитания, росте доступности Северо-Западного прохода для коммерческого судоходства, мы затрагиваем наиболее яркие проявления глубинной трансформации в Арктике, которые с точки зрения интересов человечества в освоении ресурсов региона могут представлять собой как новые возможности, так и новые вызовы. Однако сами по себе данные наблюдения не раскрывают фундаментальных характеристик этой трансформации, которые следует принимать в расчет при поисках решений нынешних и будущих задач управления в Арктике. Анализ данной проблемы требует более глубокого подхода, основанного на выявлении параметров, способных определять характер политических мер, необходимых в условиях трансформации. Число этих параметров не фиксировано и может увеличиваться по мере осмысления изменений в Арктике. Однако, оценивая процесс трансформации в регионе, можно выделить несколько наиболее значимых его характеристик.

Изменения, которые происходят сегодня в Заполярье, системны, нелинейны, стремительны и необратимы. Наиболее очевидными их примерами являются беспрецедентное снижение сезонных минимумов площади морского льда в последние годы и изменения в экосистеме тундры, где повсеместно происходят переходы от доноров к акцепторам с точки зрения эмиссий парниковых газов. Нелинейность стремительно становится общей чертой всех изменений в Арктике. Эти трансформации не только необратимы ввиду невозможности возвращения к исходным условиям в обозримом будущем, но и носят системный характер, поскольку речь идет о процессах, которые, взаимодействуя друг с другом, про-

изводят мощнейший эффект обратной связи и влекут за собой еще более масштабные последствия. Приведем один пример. Таяние морского льда приводит к образованию открытой воды, снижая альбедо поверхности Северного Ледовитого океана, что, в свою очередь, ускоряет темпы таяния остального льда. В результате регион переживает то, что ученые часто называют изменением состояния и что дает авторам популярных книг повод писать о «новой» Арктике [1]. Какие бы термины ни использовались для описания этой совокупности изменений, ясно одно: мы не можем полагаться на существующие системы управления, когда речь заходит о решении комплекса острейших проблем Арктического региона [2]. Необходимо будет по меньшей мере создать структуры, которые смогут отслеживать признаки резких и глубоких изменений и выполнять функцию раннего оповещения, а также быстро приспосабливаться к новым обстоятельствам. В более общем смысле все эти изменения ставят фундаментальный вопрос о способности традиционной неповоротливой системы межгосударственной дипломатии решать проблемы такого масштаба, которые не могут быть устранены усилиями отдельных национальных государств.

Еще одной отличительной чертой изменений в Арктике является их взаимосвязь с глобальными процессами. Оба важнейших фактора, обуславливающих трансформацию региона, — изменение климата и глобализация — представляют собой последствия антропогенной деятельности, которая осуществляется в основном за пределами Арктики и которую крайне сложно, а порой и невозможно регулировать на региональном уровне. В самом Арктическом регионе объем выброса парниковых газов невелик. Вместе с тем последствия климатических изменений проявляются здесь быстрее и в более радикальных формах, нежели в любой другой части света. Стремление к эксплуатации нефтегазовых месторождений в Арктике и открытию арктических маршрутов для коммерческого судоходства обусловлено потребностями промышленных комплексов, расположенных намного южнее границ региона. Различия между нынешней ситуацией и недавним прошлым в этом отношении видны невооруженным глазом. Арктика никогда не была отрезана от внешнего мира, однако в период между окончанием «холодной войны» и началом изменения климата можно было заниматься проблемами Заполярья, не уделяя особого внимания его взаимосвязям с внешним миром. Преобладание регионалистского подхода в те годы выразилось, например, в принятии Стратегии охраны окружающей среды в Арктике в 1991 г. и в учреждении Арктического совета в 1996 г. Сегодня политическая повестка дня в регионе совершенно иная. Нравится нам или нет, но проблемы сегодняшней

Арктики невозможно решать без вовлечения крупнейших неарктических эмитентов парниковых газов (например, Китая, ЕС, Индии) и стран — импортеров углеводородов, являющихся одновременно лидерами мировой торговли (например, Китая, Японии, Южной Кореи). Все это означает, что сугубо региональная стратегия, ориентированная на решение арктических проблем без полноценного вовлечения в этот процесс неарктических стран и других акторов, в современных условиях не имеет шансов на успех.

Ситуация усугубляется исключительно высокой степенью неопределенности. На данном этапе мы просто не знаем о многих вещах и не можем их прогнозировать. Это касается изменения климата и его биофизических последствий. Нет смысла делать вид, что мы точно знаем, когда Северный Ледовитый океан начнет полностью освобождаться ото льда в летние месяцы, как будет таять ледовый щит Гренландии или насколько вероятны крупные выбросы метана из экосистем тундры и стремительное таяние гидратов метана в мелких арктических морях. Однако та же неопределенность отличает и весьма широкий спектр экономических, политических и социальных проблем. Например, мы не знаем, приведут ли технологические инновации к сокращению глобального спроса на углеводороды, насколько активно неарктические государства, такие как Китай или страны Европейского союза, будут отстаивать свои интересы в Арктике, произойдет ли усиление роли негосударственных акторов в арктических делах и т.д. В самой неопределенности в наиболее острых вопросах политической повестки дня нет ничего необычного — нам действительно крайне редко удается точно просчитать издержки и преимущества тех или иных вариантов политики. Однако степень неопределенности особенно высока, когда речь заходит о взвешивании всех «за» и «против» различных вариантов решения проблем Арктики, ведь нельзя исключать, что в каждом конкретном случае влиятельные акторы будут совершенно по-разному оценивать как саму эту неопределенность, так и возможности ее устранения. Вряд ли стоит удивляться тому, что крупнейшие нефтяные компании (например, «Shell» или «Statoil») придерживаются принципиально отличной от ведущих экологических организаций (таких как Всемирный фонд дикой природы) позиции в оценке вероятности крупных разливов нефти и их возможных последствий в арктических условиях. Ни одна стратегия решения проблем управления в Арктике в обозримом будущем не принесет успеха, пока не будут разработаны определенные процедурные механизмы принятия политических решений, легитимность которых будет признаваться всеми ключевыми акторами.

Парадигмальные подходы к проблемам Арктики

Как же нам действовать в ситуации, когда радикальные изменения усугубляются высокой степенью неопределенности, если мы ставим перед собой цель найти решение специфических проблем сегодняшней Арктики и создать механизмы управления, способные справиться с вызовами, которые появятся в ближайшем будущем? Как утверждают многие специалисты (причем не только те, кто причисляют себя к конструктивистам), лица, ответственные за принятие решений в таких условиях, создают «ментальные карты», которые помогают им интерпретировать происходящее в реальном мире и предлагать варианты осмысления того, что в противном случае выглядело бы как сбивающее с толку многообразие хаотичных процессов [19]. Независимо от того, как называть эти «ментальные карты», — парадигмами, дискурсами или концептуальными фреймами, на их основе можно создавать более или менее стройную картину мира, используя набор определенных базовых «аксиом» (например, международное сообщество — это сообщество государств), поведенческих стереотипов (например, государства исходят в первую очередь из необходимости обеспечения безопасности, понимаемой в материалистическом смысле) и представлений о наиболее эффективных способах отстаивания своих интересов в таких условиях (например, сохранение «баланса сил» — лучшее средство обеспечения мира). Особенно поразительной чертой этих парадигм является тот факт, что их базовые положения невозможно подтвердить или опровергнуть с помощью стандартных эмпирических методов. Но это не означает, что доминирующие парадигмы не поддаются рациональному осмыслению или что мы не можем проследить исторический процесс их восхождения и упадка. Так, уже несколько десятилетий ведутся оживленные дебаты относительно судьбы национального государства и степени целесообразности сохранения аксиоматического положения о том, что международное сообщество состоит из государств. Однако, как показывает данный пример, подобного рода споры редко разрешаются с помощью традиционных методов, таких как сбор и оценка эмпирических данных.

Легко согласиться с тем, что выбор парадигмы будет оказывать огромное влияние на то, в каких категориях мы будем осмыслять изменения в Арктике, какие проблемы управления может вызвать в ближайшем будущем стремление человечества приспособиться к этим изменениям и что потребует для их решения. Те, кто мыслят в категориях новой «холодной войны» или начала эпохи войн за богатства Арктики, чаще всего исходят из того, что доминирующие в этом регионе государства будут соперничать друг с другом

за контроль над ресурсами (такими как углеводороды) и что данное соперничество неизбежно приведет в скором времени к ожесточенным конфликтам и даже вооруженным столкновениям. Приверженцы такого подхода воспринимают Арктику как арену «высокой политики» и полагают, что системы управления окажутся эффективными лишь в том случае, если их главной миссией будет отслеживание изменений в политике отдельных приарктических государств и сохранение баланса сил в регионе. Они склонны считать, что судьба Арктики будет зависеть от относительного равновесия между Россией и остальными приарктическими странами [6].

Вместе с тем это далеко не единственный способ выстраивания цепочки рассуждений о последствиях «изменения состояния» в Арктике. Так, может показаться удивительным, что Михаил Горбачев еще в 1987 г. первым выступил с призывом к превращению Арктики в «зону мира и сотрудничества» [13], что Владимир Путин почти дословно повторил его слова в 2010 г. [24] и что Россия неукоснительно выполняла все международно-правовые нормы, касающиеся делимитации границ континентального шельфа за пределами исключительных экономических зон приарктических государств. Как отмечали другие исследователи, в Арктике не осталось серьезных территориальных споров, и все государства принимают эффективные меры по разграничению морских границ [7]. Примером этого может служить Мурманский договор 2010 г. между Российской Федерацией и Норвегией о разграничении морских пространств в Баренцевом море, и есть все основания полагать, что в ближайшем будущем будут заключены и другие соглашения подобного рода. Если исходить из оценки реальных действий, а не риторики, то можно сделать вывод о том, что в ближайшие годы Арктика имеет все шансы стать примером конструктивного решения проблем, вызванных изменениями климата и процессами глобализации.

На основе этих наблюдений я хотел бы рассмотреть парадигму, которая хотя бы в скрытой форме присутствует в работах большинства публицистов и журналистов, интересующихся арктическими проблемами, определить причины ее «живучести» и обозначить основные положения альтернативной парадигмы структурирования размышлений о будущем Арктики, которая обладает целым рядом преимуществ по сравнению с первой. Первую парадигму я буду называть неореалистической/геополитической, вторую — парадигмой социально-экологических систем. Как уже было отмечено, не существует способа окончательно определить, какая из двух парадигм верна, а какая — нет. В этой связи я ставлю перед собой следующие задачи: 1) объяснить, почему неореалистическая/геополитическая парадигма пользуется таким влиянием в нынеш-

них условиях; 2) поставить вопрос о том, насколько данная парадигма может быть полезна в плане разработки политических решений в «новой» Арктике; 3) обозначить основные положения альтернативной парадигмы социально-экологических систем.

Неореалистическая/геополитическая парадигма

Абсолютное большинство авторов научно-популярных книг и журналистов описывают настоящее и будущее Арктики в категориях неореализма и геополитики [11; 12; 14; 25]. Они убеждены в том, что национальные государства по-прежнему являются основными акторами на международной арене, и потому ожидают эскалации территориальных споров, заостряя внимание на вопросе «кому принадлежит Арктика?» [7]. На этих авторов производит сильное впечатление бурное развитие энергетической дипломатии в глобальном масштабе, поэтому они пишут об «арктической золотой лихорадке» и пытаются убедить нас в том, что Арктику ожидает череда все более ожесточенных «войн за ресурсы» [14]. Считая дислокацию вооруженных сил главным индикатором изменений в политическом ландшафте, они ссылаются на пример недавних российских военных учений в Арктике с использованием стратегических бомбардировщиков и кораблей ВМФ и приходят к выводу о том, что в циркумполярном регионе начинается новая «холодная война». Обращаясь к истории, эти исследователи вспоминают хитросплетения политики «великих держав» в Центральной Азии в XIX в. и высказывают предположение о том, что сегодня мы наблюдаем начальную фазу новой «большой игры» в Арктике, которая неизбежно повлечет за собой столкновение между Россией и Соединенными Штатами в ближайшем будущем [5]. Некоторые даже ожидают наступления «арктической катастрофы» [4], которая приведет к «...жестоким кровопролитным столкновениям между великими державами, отчаянно борющимися друг с другом за право обладания сокращающимися мировыми запасами природных ресурсов» [14, р. 10]. По мнению приверженцев такого подхода, Арктика постепенно превращается в ключевую арену соперничества между великими державами, на которой в конечном итоге определится геополитический облик мирового порядка в XXI в.

Необходимо отметить еще одну любопытную особенность подобного подхода к осмыслению изменений в Заполярье. Выводы, к которым приходят его сторонники, по большей части противоречат фактам, поскольку в своих рассуждениях эти авторы исходят из оторванной от действительности неореалистической парадигмы, а не из анализа реального положения дел в регионе.

В тех немногих зонах Арктики, где споры о юрисдикции по-прежнему имеют большое значение, стороны либо предпринимают шаги по урегулированию разногласий мирным путем, как в случае с заключением Мурманского договора о разграничении в Баренцевом море, либо обращаются к процедурам, определенным Конвенцией ООН по морскому праву (например, подают заявки на установление юрисдикции над расширенным континентальным шельфом в Арктике в соответствии с положениями статьи 76 Конвенции). В обозримом будущем крупномасштабные проекты по разработке месторождений, в первую очередь нефтегазовых, будут осуществляться преимущественно в областях, на которые уже распространяется юрисдикция приарктических государств; подобная деятельность не приведет к «войнам за ресурсы», хотя и сможет оказать определенное влияние на мировые энергетические рынки. Приарктические державы уже заключили многостороннее соглашение о проведении поисково-спасательных операций, предусматривающее координацию усилий по оказанию поддержки судам, терпящим бедствие. На более глобальном уровне наблюдается прогресс в области разработки Полярного кодекса, который будет обязателен для исполнения всеми заинтересованными сторонами и установит параметры и нормы эксплуатации судов, ходящих по арктическим морям.

Несмотря на то что авторы научно-популярных книг и журналы рисуют полные драматизма картины «войн за ресурсы» и вооруженных столкновений в Арктике для привлечения внимания к своим работам, выводы, к которым они приходят после анализа реального положения дел, не столь пугающи, как можно было ожидать. Так, Р. Ховард, который пишет о перспективах «жестокой и кровопролитной конфронтации» в Заполярье, в конечном счете заявляет, что «...вероятность воплощения в жизнь данного сценария в Арктике намного меньше, чем в любом другом регионе» [14, р. 10], и «...правительства вряд ли захотят подвергать себя риску поражения в войне за территории, обладание которыми, возможно, не принесет никаких дивидендов» [14, р. 219]. Автор другой популярной книги Д. Фэйрхол, в свою очередь, пишет: «...как бы ни захватывающе смотрелся заголовок о том, что Северный полюс станет ареной новой “холодной войны”, от действительности это очень далеко» [12, р. 188]. М. Байерз завершает свою книгу «Кому принадлежит Арктика?» утверждением о том, что она открывает широкие перспективы для укрепления международного сотрудничества, поскольку является «...огромным, малонаселенным регионом с небольшим количеством национальных государств; территориальные споры здесь немногочисленны и не носят принципиального характера; кроме того, здесь уже действует комплекс универсальных

правовых норм, таких как Конвенция ООН по морскому праву» [7, р. 128].

Как же все это объяснить? Почему неореалистический фрейм так привлекает авторов научно-популярных книг и журналистов, пытающихся объяснить широкой публике суть происходящих в Арктике изменений? Дело в том, что некоторые факты действительно могут послужить опорой для неореалистического подхода, особенно когда они вырваны из контекста. Россия, например, неоднократно отвергала подобные обвинения, однако те, кто воспринимают мир через призму неореализма, пытались представить установку российского флага на дне под Северным полюсом в августе 2007 г. как «...компонент тщательно продуманной операции по утверждению суверенитета России над частью региона, которая ранее не принадлежала никому» [14, р. 3]. Некоторые наблюдатели придают большое значение модернизации российского Северного флота, базирующегося в портах Кольского полуострова [15], хотя нет почти никаких сомнений в том, что данная инициатива преследует более общие цели и призвана подкрепить претензии Российской Федерации на обретение статуса глобальной державы, а не отражает ее стремление вести агрессивную политику в Арктике. Реплика премьер-министра Канады С. Харпера о том, что его страна должна проводить арктическую политику, исходя из принципа «пользуйся или потеряешь», а значит, увеличить военное присутствие в Заполярье, кажется некоторым экспертам чересчур провокационной и даже дестабилизирующей. Трактовка проблем региона в обновленных арктических стратегиях России и США может быть воспринята как стремление придать им глобальный статус и возвести их в ранг ключевых приоритетов обеих держав.

Возможно, эти разрозненные факты и добавляют обоснованности изначально слабому аргументу о том, что трансформацию в Арктике следует воспринимать в категориях «войн за ресурсы», новой «холодной войны» и «большой игры», однако притягательность неореалистического фрейма можно объяснить и другими причинами. Эта трактовка легко воспринимается аудиторией, не понимающей специфики арктических проблем, поскольку глубоко укоренилась в общественном сознании, сформированном событиями Второй мировой войны и последовавшим вслед за ней глобальным противостоянием двух сверхдержав. В конце концов, на протяжении большей части этого периода Арктика была разделена на два вооруженных лагеря, один из которых представлял Советский Союз, а другой — Соединенные Штаты и их союзники по НАТО [21]. Возникшее вследствие этого фрагментированное представление об Арктике живет в сознании многих и по сей день. Ко всему этому можно добавить тот факт, что для ярких заголовков,

необходимых для привлечения общественного внимания, нужны как можно более провокационные «картинки». А теперь представьте, что в книгах и статьях о «новой» Арктике данный регион представлялся бы как «зона мира и сотрудничества» или как полигон интересных экспериментов в сфере управления с применением таких инновационных механизмов, в рамках которых признается роль негосударственных акторов, например организаций коренных народов. Маловероятно, что подобный фрейминг убедил бы главных редакторов таких изданий, как журнал «Time», публиковать на передовице материал о ситуации в Арктике [28].

Не менее важной причиной притягательности неореалистической парадигмы, на мой взгляд, является отсутствие хорошо разработанной альтернативной парадигмы, которая бы предлагала иную, но настолько же понятную и логичную трактовку изменений в Арктике, была бы ориентирована не на прошлое, а на будущее и фокусировалась на повестке дня Арктики XXI, а не XX в. До тех пор, пока не появится такой альтернативный подход, несколько примитивная, но по многим причинам привлекательная неореалистическая парадигма, скорее всего, будет доминировать во фрейминге арктических проблем и определять арктическую повестку дня на крупнейших политических форумах. Однако возникает закономерный вопрос: какую форму могла бы принять подобная альтернативная парадигма? Как уже было сказано ранее, единственного правильного ответа не существует. Тем не менее сегодня, когда перед нами стоит задача создания системы арктического управления XXI в., над этим вопросом не только можно, но и необходимо задуматься всерьез.

Парадигма социально-экологических систем

Изменения в Арктике носят глобальный характер. В нашем мире все большую роль играют антропогенные экосистемы, в которых масштабные биофизические процессы накладываются на столь же масштабные социально-экономические трансформации, что приводит к возникновению сложных динамических систем, характеризующихся нелинейными, стремительными и зачастую необратимыми изменениями [26]. В подобных условиях приоритеты управления становятся неопределенными, и возникает множество вызовов, которые крайне сложно устранить с помощью стандартных подходов (например, путем подписания формальных многосторонних соглашений), преобладающих и сегодня при решении проблем на международной арене. Эти условия, воплощением которых является понятие антропоцена [9], нигде не проявляются так очевидно, как в Арктике. Если мы сможем найти эффективные механизмы

решения политических проблем в данном регионе или хотя бы управления ими, то эти механизмы будут представлять практическую значимость и в глобальном масштабе. Этот аналитический подход я назову парадигмой социально-экологических систем и попытаюсь оценить, насколько он применим для объяснения трансформационных процессов в современной Арктике и политической повестки дня, обусловленной данными изменениями.

В основе предлагаемой парадигмы лежит понятие системы как сложного и динамического образования. Как хорошо известно специалистам, исследующим природу экологических, экономических, информационных, социальных систем и даже мир-системы, система представляет собой «...набор взаимосвязанных элементов, организованный для достижения определенной цели» [20, р. 11]. Если мы хотим понять принципы функционирования той или иной системы и выработать эффективные политические решения в сфере системного управления, то нам следует выйти за рамки рассмотрения отдельных элементов, принять за единицу анализа саму систему и разработать способы объяснения ее поведения. Например, чтобы понять природу Солнечной системы, недостаточно изучать ее элементы — Солнце и отдельные планеты; центральным объектом анализа должно быть поведение системы в целом. То же самое можно сказать и об изучении других систем. Экосистемы — это не простая совокупность отдельных видов, так же как социальные системы — не только совокупность индивидуумов и организаций. Все они должны изучаться на системном уровне.

Осмысление происходящего в Арктике необходимо начинать с констатации того факта, что объектом изучения является социально-экологическая система [22; 27], поведение которой обусловлено как биофизическими, так и антропогенными факторами. Деятельность человека длительное время влияла на эту систему на микроуровне, однако в последние годы мы вступили в эпоху, когда антропогенный фактор оказывает сопоставимое, а иногда и более существенное влияние на поведение системы на макроуровне, нежели биофизические процессы. Нигде данный феномен не проявляется так ярко, как в Арктическом регионе. И изменения климата, и процессы глобализации, представляющие собой главные движущие силы трансформации Арктики, являются антропогенными по своей природе. Следовательно, любые попытки понять, что происходит сегодня в Заполярье, должны фокусироваться на причинах релевантной деятельности человека, а любые инициативы, направленные на управление ходом данной трансформации, должны воплощаться в жизнь с учетом их возможного влияния на антропогенную деятельность в будущем.

Если в качестве теоретической парадигмы для осмысления текущих и будущих изменений в Арктике мы используем парадигму социально-экологических систем, то уже на самой ранней стадии имеет смысл ввести понятие «встроенные системы» (nested systems). В определенных случаях Арктический регион целесообразно рассматривать как отдельную систему, которая имеет уникальные биофизические характеристики и в которой сложилась некая совокупность социальных практик, адаптированных к специфическим условиям Арктики (в качестве примера можно назвать деятельность Арктического совета). Тем не менее легко понять, что арктическая система встроена в глобальную систему, поведение которой будет иметь огромное значение для будущего Арктики. Изменения арктического климата в значительной степени обусловлены действиями, которые совершаются далеко за пределами этого региона. Стремление к эксплуатации нефтегазовых месторождений в Арктике и открытию арктических маршрутов для коммерческого судоходства обусловлено непомерными аппетитами индустриальных обществ по всему миру. Из этого следует, что проблемы арктического управления не могут быть решены без вовлечения в процесс внешних акторов. Вместе с тем позволить этим силам оказывать решающее влияние на судьбу Арктики, возобновив отношения по модели ядро—периферия, которые долгое время определяли ход истории в Заполярье, значит сделать шаг назад. Современные арктические реалии диктуют необходимость создания особой формы многоуровневого управления, в которой проблемы региона будут оказывать влияние на глобальную повестку дня и наоборот [8].

Предлагаемая альтернативная парадигма также позволяет сфокусировать внимание на динамическом характере арктической системы. Все сложные системы являются динамическими в том смысле, что изменения происходят в них непрерывно; при этом время от времени система переживает «изменения состояния» — периоды радикальной трансформации. Однако добавление антропогенного измерения в парадигму социально-экологических систем ведет к повышению роли нелинейных, стремительных и необратимых изменений, которые нередко оказывают отрицательное воздействие на благосостояние людей. Человеческое поведение рефлексивно, и эта черта социально-экологических систем позволяет людям реагировать на изменения и даже предвосхищать их таким образом, чтобы стабилизировать ситуацию и препятствовать процессам, которые могут вызвать изменение состояния системы. Однако рефлексивности свойственна амбивалентность. Эффект обратной связи может оказаться как положительным (биржевые крахи, ускорение сокращения площади морского льда), так и отрицательным (контрциклическая экономическая политика, вы-

садка деревьев для поглощения углекислого газа из атмосферы). Как уже было отмечено, есть все основания полагать, что нынешние изменения в Арктике нелинейны, стремительны и необратимы. С точки зрения управления это означает, что существует острая необходимость создания систем раннего оповещения и новых форм координации действий между приарктическими государствами, а также совершенствования механизмов быстрого реагирования.

Принятие парадигмы социально-экологических систем окажет глубокое влияние на решение проблем управления, которые возникают в связи с изменениями в Арктике. В содержательном плане данная парадигма фокусируется на холистических задачах и политических мерах, необходимых для их решения, таких как экосистемно ориентированное (ЕВМ) и локально ориентированное управление [10], а также на эффективных механизмах интеграции достижений западной науки и различных форм традиционного экологического знания [3]. Эта парадигма также подчеркивает важность как анализа происходящего с точки зрения поведения макросистем, так и роли эффекта обратной связи, который может либо помочь в управлении стремительно развивающимися процессами, либо ускорить их так, что мы будем лишены возможности контролировать и осмысливать их. Кроме того, данная парадигма позволяет сосредоточиться на изучении взаимосвязей попыток сберечь экологическую целостность путем защиты биоразнообразия и сохранить культурное единство посредством поддержания традиционных механизмов взаимодействия между человеком и окружающей средой [16]. Люди, непосредственно контактирующие с биофизическими системами, не только лучше понимают их поведение, но и больше заинтересованы в их сохранении. Напротив, те, кто принимают решения, сидя в комфортных залах заседаний, не очень беспокоятся о том, какое влияние окажут их действия на процессы, происходящие в природе. Изменить такое положение вещей можно было бы путем внедрения концепта ответственного управления (stewardship) [18; 23]. Он возник на основе традиционных практик, получивших развитие в таких концепциях, как «этика земли» Альдо Леопольда, и стал частью современной теории, которая уделяет основное внимание роли ответственного управления в деле сохранения целостности социально-экологических систем. Внушает оптимизм тот факт, что в современной Арктике базовые принципы такого подхода остались в неприкосновенности. Необходимо лишь разработать политические механизмы (такие как прикладные формы экосистемно-ориентированного управления), которые будут способствовать развитию практик, основанных на идеях ответственного управления, и их включению в комплекс управленческих механизмов, адаптированных к потребностям Арктики.

С точки зрения указанной парадигмы можно достигнуть прогресса в Арктическом регионе путем развития комплекса управления как совокупности отдельных проблемно ориентированных режимов, которые были бы способны функционировать автономно, но при этом были бы достаточно взаимосвязаны, чтобы создать гибкую систему, готовую решать различные задачи и адаптироваться к их изменениям с течением времени [17]. Некоторые элементы подобной системы управления (такие как режим, установленный Конвенцией ООН по морскому праву) уже созданы, другие (например, соглашения о сотрудничестве в области проведения поисково-спасательных операций или обязательный для исполнения Полярный кодекс) выходят в арктической повестке дня на первый план. Некоторые элементы (такие как строгий кодекс поведения, нацеленный на предотвращение разливов нефти в арктических условиях) пока представляются делом отдаленного будущего, однако общий посыл парадигмы социально-экологических систем, понимаемой как инструмент теоретического осмысления требуемых механизмов управления, ясен. Мы должны сосредоточиться на системных проблемах, двигаясь в направлении заключения соглашений по отдельным пунктам (таким как коммерческое судоходство или разработка нефтегазовых месторождений), и воспользоваться открывшимися возможностями для создания режимов многоуровневого управления, которые будут способствовать взаимовлиянию процессов как на глобальном уровне (например, попытки борьбы с изменениями климата на планете), так и на региональном (например, стремление к укреплению Арктического совета как выразителя интересов арктических акторов на различных международных форумах).

Путь вперед

Все сказанное о природе фреймов и различиях между неореалистической/геополитической парадигмой и парадигмой социально-экологических систем как фреймами, структурирующими процесс осмысления проблем Арктики, неизбежно порождает вопрос: что делать дальше? Повторюсь, нет никакого смысла пытаться доказать, что одна из этих парадигм является правильной, а вторая — нет. Концептуальные фреймы такого рода невозможно подвергнуть проверке на достоверность (отчасти это связано с тем, что представления о мотивации ключевых акторов укоренены в них). Приверженцы неореалистической парадигмы, например, будут интерпретировать установку российского флага на дне под Северным полюсом в 2007 г. и возобновление полетов российских стратегических бомбардировщиков над Северным Ледовитым океаном

в категориях силовой политики, несмотря на то что факты будут говорить об обратном. Последнее заявление Владимира Путина о важности сохранения Арктики как «зоны мира» они будут, напротив, относить к области политической риторики, хотя оно не противоречит другим заявлениям российских лидеров об этом регионе. Нефальсифицируемость подобного рода парадигм частично обусловлена тем, что они ориентированы на будущее. Вернемся к приведенному примеру: неореалисты будут утверждать, что русские только и ждут удобного момента для демонстрации силы в Арктике и не сделали этого лишь потому, что хотят усыпить бдительность других держав. Подобным образом интерпретируются поведение остальных акторов, имеющих интересы в Арктике, и сама парадигма социально-экологических систем. Иными словами, по мнению неореалистов, любые рассуждения о достоверности данных концептуальных фреймов являются не более чем пустой тратой времени.

Вместе с тем выбор одной из этих парадигм будет иметь колоссальные последствия для будущего Арктики, поскольку обе они оказывают огромное влияние на процессы структурирования и размещения на шкале приоритетов наиболее крупных проблем в арктической повестке дня. С точки зрения неореалистов, такими приоритетами должны быть разрешение споров о юрисдикции (например, о правовом статусе Северо-Западного прохода), сохранение суверенитета государств над своими арктическими территориями и быстрое реагирование на любые агрессивные действия других держав. Воплощением этого подхода стал девиз С. Харпера «пользуйся или потеряешь», который лег в основу арктической политики Канады. Парадигма социально-экологических систем, напротив, выделяет в качестве политических приоритетов регулирование добычи полезных ископаемых и коммерческого судоходства в Арктике, принятие мер по предотвращению крупных разливов нефти в регионе и в более широком смысле — применение принципов экосистемно-ориентированного управления к арктическим реалиям. Постоянные призывы к разработке всеобъемлющих режимов в регионе являются характерными примерами инструментализации такого подхода.

Обе парадигмы призывают к разработке глобального подхода к арктическим проблемам, но этим сходство, в сущности, и ограничивается. Неореалисты заостряют внимание на геополитических сдвигах планетарного масштаба, усилении соперничества за контроль над ограниченными природными ресурсами и возвращении тактики времен «холодной войны». Приверженцы парадигмы социально-экологических систем, напротив, сосредоточиваются на значении Арктики в общей динамике изменения климата и пер-

спективах эксплуатации месторождений арктических углеводородов, которая ослабит стимулы к осуществлению перехода к «зеленой» экономике. Эта разница в подходах обуславливает и вычленение ключевых акторов арктической политики. В рамках неореалистической парадигмы с ее традиционным акцентом на национальной безопасности основная роль отводится внешнеполитическим и военным ведомствам национальных государств. Парадигма социально-экологических систем, исходящая из идеи ответственного управления, выдвигает на первый план экологические ведомства, агентства, ответственные за управление земельными и морскими ресурсами, и ряд негосударственных акторов, в том числе организации, выражающие интересы коренных народов Севера. Определение круга действующих лиц, которые будут в конечном счете формировать повестку дня в Арктике, станет одновременно следствием выбора той или иной парадигмы и средством ее дальнейшего укрепления.

Создается впечатление, что мы оказываемся в политическом тупике. Наиболее простой выход из него — констатация того факта, что выбор между парадигмами определяется в большей степени нормативными предпочтениями, а не результатами скрупулезного анализа, поэтому его необходимо осуществлять в рамках политического процесса. Впрочем, мне такая стратегия представляется необоснованной, если речь идет о судьбе Арктики. С моей точки зрения, мы достигли переломного момента, когда быстрые изменения в данном регионе могут либо подтвердить правильность неореалистической парадигмы с ее сосредоточенностью на проблемах безопасности, либо усилить акцент на ответственном управлении, заложенный в парадигме социально-экологических систем. Последняя, по моему глубокому убеждению, предлагает такое видение арктических проблем, которое с нормативной точки зрения выглядит более предпочтительным, чем неореалистический подход. Я также убежден, что моральный долг тех из нас, кто давно занимаются изучением ситуации в данном регионе, состоит в том, чтобы способствовать изменению баланса в пользу парадигмы социально-экологических систем как способа структурирования и определения приоритетов политической повестки дня в Арктике. Неореалисты могут считать подобный подход наивным, поскольку он оставляет Заполярье открытым для эксплуатации теми, кто мыслит в геополитических категориях и неустанно стремится к победе в борьбе за влияние на международной арене. Однако я полагаю, что эта критика звучит неубедительно в отношении Арктики. Угрозы биофизической и антропогенной системам, обусловленные ускорением процессов изменения климата и последствиями глобализации, го-

раздо серьезней, чем риск возникновения «войн за ресурсы», спровоцированных действиями великих держав — Китая, России, Соединенных Штатов. Иными словами, я уверен, что мы должны воспринять всерьез и как руководство к действию слова Владимира Путина об «исключительной важности сохранения Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества» [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anderson A.* After the Ice: Life, Death, and Geopolitics in the New Arctic. N.Y.: Smithsonian Books, 2009.
2. Arctic Governance in an Era of Transformative Change: Critical Questions, Governance Principles, Ways Forward. Report of the Arctic Governance Project, April 14, 2010 [Electronic resource] // The Arctic Governance Project [Official website]. URL: <http://arcticgovernance.custompublish.com/arctic-governance-in-an-era-of-transformative-change-critical-questions-governance-principles-ways-forward.4774756-156783.html> (accessed: 07.04.2011).
3. *Berkes F., Colding J., Folke C.* Rediscovery of Traditional Ecological Knowledge as Adaptive Management // Ecological Applications. 2000. Vol. 10. № 5. P. 1251—1262.
4. *Borgerson S.* Arctic Meltdown: The Economic and Security Implications of Climate Change // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. № 2. P. 63—77.
5. *Borgerson S.* The Great Game Moves North: As the Arctic Melts, Countries Vie for Control [Electronic resource] // Foreign Affairs [Official website]. March 25, 2009. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/64905/scott-g-borgerson/the-great-game-moves-north> (accessed: 07.04.2011).
6. *Bull H.* The Anarchical Society. L.: Macmillan, 1977.
7. *Byers M.* Who Owns the Arctic? Understanding Sovereignty Disputes in the North. Vancouver: Douglas and McIntyre, 2009.
8. Changing Climates in North American Politics: Institutions, Policymaking, and Multilevel Governance / Ed. by H. Selin, S.D. VanDeveer. Cambridge: MIT Press, 2009.
9. *Crutzen P.* Geology of Mankind — The Anthropocene // Nature. 2002. Vol. 415. P. 23.
10. Ecosystem-Based Management for the Oceans / Ed. by K. McLeod, H. Leslie. Washington, D.C.: Island Press, 2008.
11. *Emmerson Ch.* The Future History of the Arctic. L.: The Bodley Head, 2010.
12. *Fairhall D.* Cold Front: Conflict Ahead in Arctic Waters. N.Y.: I.B. Tauris, 2010.
13. *Gorbachev M.* Speech Delivered at Murmansk, 1 October. Foreign Broadcast Information Service (FBIS)-SOV-87-191. October 2, 1987.
14. *Howard R.* The Arctic Gold Rush: The New Race for Tomorrow's Natural Resources. L.; N.Y.: Continuum, 2009.
15. *Huebert R.* The Transforming Arctic: A Region of Conflict or Cooperation? Presentation at the Symposium on Arctic Ocean Governance, School of Public Policy, University of Tokyo, 2010.

16. Human Ecology and Climate Change: People and Resources in the Far North / Ed. by D.L. Peterson, D.R. Johnson. Washington, D.C.: Taylor and Francis, 1995.

17. *Keohane R.O., Victor D.G.* The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. 2011. Vol. 9. № 1. P. 7—23.

18. *Leopold A.* A Sand County Almanac. Oxford: Oxford University Press, 1949.

19. *Litfin K.T.* Ozone Discourses: Science and Politics in Global Environmental Cooperation. N.Y.: Columbia University Press, 1994.

20. *Meadows D.H.* Thinking in Systems: A Primer. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2008.

21. *Osherenko G., Young O.R.* The Age of the Arctic: Hot Conflicts and Cold Realities. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

22. Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems / Ed. by L. Gunderson, C.S. Holling. Washington, D.C.: Island Press, 2002.

23. Principles of Ecosystem Stewardship: Resilience-Based Natural Resource Management in a Changing World / Ed. by F.S. Chapin, G.P. Kofinas, C. Folke. N.Y.: Springer, 2009.

24. *Putin V.* Speech at the International Arctic Conference Organized by the Russian Geographical Society, Moscow, September 23, 2010 [Electronic resource] // The Arctic Governance Project [Official website]. URL: <http://arcticgovernance.custompublish.com/prime-minister-vladimir-putin-addresses-the-international-forum-the-arctic-territory-of-dialogue.4823958-142902.html> (accessed: 07.04.2011).

25. *Sale R., Potapov E.* The Scramble for the Arctic: Ownership, Exploitation, and Conflict in the Far North. L.: Frances Lincoln, 2010.

26. *Vitousek P.M., Mooney H.A., Lubchenco J., Melillo J.M.* Human Domination of Earth's Ecosystems // Science. 1997. Vol. 277. № 5325. P. 494—499.

27. *Walker B., Salt D.* Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World. Washington, D.C.: Island Press, 2006.

28. Who Owns the Arctic? // Time. October 1, 2007.